

СОЦИОЛОГИЯ

Малиновский Евгений Леонтьевич

доцент

Белорусский государственный
педагогический университет им. М. Танка

г. Минск, Беларусь

Кубанская Любовь Леонидовна

преподаватель

Барановичский государственный университет

г. Барановичи, Беларусь

АКТУАЛЬНАЯ ВИРТУАЛЬНОСТЬ В ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос актуальной виртуальности в гендерном дискурсе. Авторы работы приходят к выводу, что измерение качественных возможностей самореализации личности в социальном поле гендерной депривации сопряжено с актуализацией термина *virtus* относительно его перевода из скрытого латентного состояния в явный процесс произвольных или непроизвольных психических действий, заключающихся в извлечении из памяти усвоенной информации и сакрального опыта с их немедленным использованием в дискурсе.

Ключевые слова: гендерная депривация, дискурс, виртуальная зрелость, объектные отношения, парциальный объект, эдипов комплекс, структурно-психоаналитическая триада.

Виртуальная, по сути электронная, реальность, как известно, имитирует воздействие на объекты комплекса ощущений на фоне полного или частичного отсутствия половой любви. Если предположить, что «Бог есть любовь» и «В начале было слово», то таковым в условиях дискурса может оказаться латинское слово *virtus*, то есть мужественность, актуальное значение которого для психолого-пе-

дагогического образования семьи не переоценено. Дискурс «7-Я» призван декодировать «распутье» (лат. *discurs*) количественного «7» и качественного «Я» измерений качественных возможностей самореализации в реальном поле гендерной депривации как процесса стереотипизации и установок доминирования социального пола [1, с. 12]. Реалии среднестатистической белорусской семьи с ее матэрнализмом – «Люба мамка ты мне, ажані ж ты мяне» – трудно представить вне российской феминной гиперопеки: «Я тебя слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила». Чего еще не достает современным супругам, так это готовности к виртуальной зрелости, то есть такому упреждающему поведению личности, которая осознает свою индивидуальность в авторском сотворении. Автор – это третья, сакральная фигура в соотнесения сексуально-детородной активности с результатом самореализации взрослой личности. Вдохновенное метафизикой красоты творчество мужа имеет мало общего с отчаянной попыткой соавтора семейной социализации редуцировать захваченные у метафизической природы символические объекты: «Столовые и детские сады – ростки коммунизма» (В. И. Ленин). Утрата критической оценки общепита и общественного воспитания равносильна утрате авторства. Вместе с тем, жена-личность – это автор, актуализирующий новую реальность: «Мудрая жена устроит свой дом, а глупая разрушит своими руками» [2, Притч 14]. Такое устройство невозможно без мужественного интеллекта. Мужество является атрибутом вида *homo sapiens*, а «примат интеллекта над верой» служит, по Фоме Аквинскому, первой интенцией зрелости: *cognitio dei experimentalis* или экспериментальное постижение Бога. Утрата способности к интеллектуальному усилию равнозначна утрате виртуальной зрелости [3]. Исторический факт, по которому мать в еврейской семье времен Иисуса Христа занималась воспитанием сына лишь до трех лет, имеет свое продолжение в ответственности отца за его нравственное становление (мусар, ивр. מוסר, буквально «мораль»). С моралью ребенка отец связывает трансцендентальный взгляд на вещи, запредельные социализации. Объекты виртуальной зрелости, такие как *Ding an sich*, невидимая «Вещь в себе», в трудах Э. Канта согласуются с апперцепцией категорического императива: «Звездное небо над

головой и нравственный закон внутри нас». Моральный субъект всегда согласует реальные объекты с Законом Моисея или Евангелием. Если быть уверенным, что «В начале было слово», то виртуальный образ отнюдь не имитируется компьютерной анимацией, но достигается трудным личностным выбором новой духовной гласности. В то же время, так называемая «Виртуальная реальность» по определению лишь репродуцирует электрон (греч. ἤλεκτρον), то есть янтарь. Но ископаемая смола не может быть источником какой-либо реальности, являясь только символом: «Слёзы моря» или «Дар солнца». Так, компьютерная технология обладает лишь «Покрывалом майи», как янтарь покрывает тело женщины искусственными деталями стиля. Тем не менее, психологическое осмысление стиля как особого типа взаимодействия между разнообразными объектами способствует, по С.С. Хоружему, их расположению на разных иерархических уровнях, включающих в том числе специфические духовные отношения порождающего воображения и порождаемой символики [4].

Применение структурно-психоаналитической триады Ж. Лакана «Воображаемое – символическое – реальное» становится уместным в идентичности супругов относительно их виртуальной зрелости. Для того, чтобы знать, кто есть виртуальный индивидуум, не лишним будет его сравнение с таким выпрненным носителем стиля, как социальный психолог, сам по себе остающийся, по сути, «голым» как андерсоновский «король» или библейская Ева в образе «Спящего социального работника», оставленного художником Люсьном Фрейдом даже без «фиговых листьев» бюджетной зарплаты. Объект созависимости психолога клиент, социализировано не пьющий, но реально аддитивный, орально ограниченный феминностью, подверженный истерическому фигурированию в среде близких. Это субъект, альтернативный классическим представлениям мужа-отца как надежного суверена добра и справедливости, генератора любви и веры. Социализированный муж-сын фиксирован на анальной стадии психосексуального развития с усвоенной моделью мужика (с ударением на первый слог), эгоцентрика-функционера, закрученного схемой-апперцепцией на пересечении различных

символических структур бессознательного. Для данной модели отношений характерна смена атрибутов: семья не является субъектом патриарха, но папа оказывается субъектом семьи в материнской школе. Сам по себе папаша не есть «Некто» иной, благородно дистанцированный как «Имя Отца» у Ж. Лакана, но, как все мамины дети, он подконтрольный заместитель символической функции: «ученик», «добытчик», «водитель», «спонсор», «аниматор». Отсюда скрытый конфликт между символическим носителем квантитативных ролей и воображаемым «Я» ассертивным, ибо не существует ассертивности (лат. *assertor*- защитник) без вдохновенного Богом *libido*.

В отличие от «Спящего социального работника», виртуальный психолог обладает альтернативным «рамочным» (англ. *frame*) горизонтом эмпирических возможностей семьи в мудрости *lieben und leben* – любить и жить. С точки зрения Д.У. Винникота, «достаточно хорошей теорией» служит классический психоанализ в его дополнении психотерапией объектных отношений, где центральное место отводится потребности субъекта быть сцепленным (*cohaerere*) с объектами либидо: «Где было Я, должно стать Оно», при этом любовь оставляет за собой право виртуального безумия, точнее «безумствования». Если когерентность семейных отношений характеризуется замещением *libido* поиском удовольствия, то снятие фиксации на оральном объекте предполагает психоаналитический переход к совладанию в виде якорения, при котором в качестве целостного объекта выступает виртуальная личность, свидетельствующая, например: «Каждый из вас так любит свою жену как себя самого, а жена да убоится мужа» [2, Эф 5, 33]. Исследование чувства страха как отсутствия целостного ощущения тела привело Д. Винникота к пониманию парциального объекта как реальной топики «Я» с его мысленными репрезентациями, фантазиями, идеями, воспоминаниями, сублимирующими реальными представлениями в символику сцен и сентенций [5]. В нашем дискурсе, это, например, «гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной»; «Для кого Церковь не мать, тому и Бог не отец» (Тертуллиан); «Царь-батюшка» и «Родина мать зовет», «Бог бацька» и «Матчына мова», «Отец нации» и «Мать Россия моя», «Отцы церкви» и «Мать природа», *patrio* и *alma*

mater. Признание Винникотом наличия эдиповой патологии с метафорой транспозиционных объектов способствует их расстановке по всем трех стадиям декодирования «Загадки Сфинкса»:

1. Удерживающая (Holding) «на четырех» фаза дикости доэдипового окружения, погружающая синкретную личность ребенка в реальный объект гендерной депривации родительства при инцестуальном множестве отцов, которые провоцируют природный страх, отчасти снимаемый парциальным объектом – материнской грудью на фоне виртуальных фантазий «я и Он».

2. Символизирующая (Madonna et humilis) стадия «на двоих» с младенцем как «Социальным животным», инфантильно переживающим реальные парциальные объекты в их виртуальной конфронтации к Имени Отца – Эдипов комплекс.

3. Персонифицируемый «Именем Отца» путь либидозной зрелости сына (filio) в правовое поле зрелой семьи «на троих» (Отец–мать–сын).

Первое упоминание топической схемы виртуальной зрелости связано с ранневизантийской патрологией IV века. В частности, в трактате Василия Великого «Беседы на Шестоднев» обсуждается образ Божий в женщине от сотворения Евы из ребра Адамова: «Некая реальность может породить другую реальность, законы существования которой не будут сводиться к законам порождающей реальности. Бог явился Отцом ради усыновления человека» [6]. Здесь виртуальность понималась в значении вложенной в недрах Отца (гр. Κόλλων-влагалище) потенции Сына [2, Ин 1, 18]. Если реальное женственное качество характеризуется «чистотой» (casta), то виртуальное мужественное качество доблестью, а виртуальное женственное – честь, верифицируемую правовым полем семьи. Виртуальный смысл идиомы «мужественная женщина» по праву дискредитирует порочную реальность «женственного мужчины», то есть нарцисса, не сомневающегося в собственной уникальности. Картезианское сомнение в форме *dubito ergo cogito, ergo sum* продолжает ныне оставаться в обойме интеллектуального развития мужчин и женщин. Но любовь, как само либидо, всегда несомненна, ибо где «сомнение», там соблазн [2, Мф 16, 21]. Стоило только экспериментатору

Ван Росему руками перенести несколько самок-улиток на другие клетки шахматной доски, как их самцы, находящиеся в соседней комнате, стали «без сомнения» менять позицию на своей доске, в точности повторяя новую расстановку самок. Подобный, только более жестокий эксперимент с улитками провел еще в 1878 г. Гуго Цайман. Когда к самке подносили проводки, ее самец, находящийся на другом берегу водоема, реагировал хвостом на удар током. Вот так метафора «Плоти от плоти моей» [2, Быт 2, 23]. Что касается «Кости от кости моей» (там же), предположим, что «ребром Адама» может на поверку оказаться ген, оперативно выключенный Богом на стадии «Глубокого сна» [2, Быт 2, 21], когда, в преддверии эпохи палеолита, неантроп стал *anima animals* или «душою живою» [2, 1, Быт 2, 7]. Генетики утверждают, что кость в пенисе (*os penis*), имеющаяся у большинства животных (бакулюм у моржа около 50 см), в том числе приматов, исчезла у наших сородичей вместе с течкой и инцестом [7]. Ее отсутствие породило, с одной стороны, неуверенность мужа относительно удачного коитуса. Кость в пенисе гарантировала острые ощущения, но, жесткий и очень короткий половой акт. С другой стороны, взятие «ребра» у мужчины способствовало гиперсексуальности человека с продолжительным половым актом как части интимных, согревающих душу и стабильных, доверительных супружеских отношений. В результате «безреберья» античный муж обрел, как по Аристотелю, *anima est entelechia et forma corporis*, или душу, целесообразную для формирования тела: «Взял одно из ребер его и закрыл то место плотью» [2, Быт 2, 21]. Вождевленное место или топос обретает реальный центр греческой культуры: от пояса Пенелопы до храма Парфенон (Παρθένος- Дева). Римская античность вносит в эту культуру элемент мужественной героизации. Как «виртуальность» осеменена этимологией *vir* (лат. муж), так непорочность Виргинии, (*Virginia* – взятая от мужа) овеяна легендой, по которой ее отец, плебей, не нашел другого выхода для сохранения чести дочери, как лишить ее жизни перед циничным тираном. Для бедняка, ослабленного неведением Небесного, оставался только один выход – трагедия Эдипа. Однако, с поправа «лживого богача непорочным нищим» [2, Пр 19] начинается вдохновенная реализация веры,

надежды и любви через Рождество Сына. Впервые виртуальным духовным источником человека становится потенция возмо(у)жного мужества в акте непорочного деторождения. Логос кастрировал насильника и дегероизировал мужчину «Во имя Отца» [2, Ин 5, 47]. Имя становится трансфером подобия в становлении личности. Любовь – *αγάπη* – утверждает *verum corpus*, истинное тело в единстве женского, мужского и Божественного.

Что же касается извечного жупела «А жена да убоится мужа?» [2, Эф 5, 33], полагаем, что бояться жена должна не кого, а чего – провокации собственной оставленности как жестокой социальной реальности. Ведь для оставленной существует только социальная молитва и символическая карьера. Несчастнее этого только социальная наука с ее метанарративами без текста, ибо текст есть неразрывная ткань, «хитон» мысли и образа. Объектно-событийный подход к исследованию семейных отношений предполагает создание такой «безмятежной среды» (Я. Корчак), при которой зрелая семья обладает самодостаточным генезисом компетентности в отношении к труду и науке как «единому на потребу» [2, Лк 10, 47]; в отношении к жене как своему телу; в отношении к детям как новому миру; в отношении к супругу как «мужу по сердцу» [2, 1 Цар 13, 14]. Если невозможно человеку без конфронтации «на той единственной гражданской» (Б. Окуджава), то и здесь он всегда получит возможность выхода из экзистенциально тупикового «Процесса» гендерной депривации, решительно открыв ту единственную дверь, которую Фр. Кафка описал лично для него.

Список литературы

1. Будаева М.Б. Особенности гендерных отношений в альтернативных экономических системах: Автореферат дис. канд. экон. наук: 08.00.01. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1983. – 2525 с.
3. Meczyslaw A. Крапес, Anrzej Marynarczyk. Rozmowy o metafizyce / М. Крапес, А. Marynarczyk – Lublin : Polskie towarzystwo tomasza z akwinu, 2002. – 127 s.

4. Хоружий С.С. Род или недород: заметки к онтологии виртуальности / С.С. Хоружий. – СПб.: Алитейя, 2010. – С. 311–352.
5. Шарф Д. Основы теории объектных отношений / Д.С. Шарф, Д.Э. Шарф. – М: Когито-центр, 2009. – 304 с.
6. Настольная книга священнослужителя. В 8 томах / По благосл. Св. Патр. Пимена. – М.: Московская Патриархия, 1988. – 800 с.
7. Ромер А. Анатомия позвоночных. В 2 томах / А. Ромер, Т.Парсонс // Пер. с англ. А.Н. Кузнецова, Т.Б. Сидоровой. – М.: Мир, 1992. – 406 с.